

Когда-то давно Жунго-гун пал на поле боя, и чтобы помочь Цзя Му удержать контроль над кланом Цзя, император Шэнцзу лично пожаловал ей нефритовое жуи. Этот дар давал ей право управлять обоими дворами — Восточным и Западным, а также смещать тех, кому полагалось наследовать титулы в этих домах.

Иначе с чего бы патриарху Цзя Чжэню, который по кровным узам приходился им уже дальней родне, относиться к старухе с таким глубоким почтением? Он даже позволил её доверенному лицу Лай Шэну занять пост главного управляющего в Восточном дворе и безнаказанно выкачивать оттуда серебро.

Но сейчас этот старший внук, которого она вечно ставила ни во что, посмел ей перечить. Да он просто взбунтовался!

Гнев Цзя Му ещё не успел разгореться в полную силу, как Юаньян уже привела Цзя Чжипо в Зал Жунцин.

Цзя Чжипо отвесил поклоны с безупречной точностью, в его движениях нельзя было найти и изъяна.

Он отлично понимал: пусть Цзя Шэнь шумел громко, укротить его не стоило особого труда. Куда более крепким орешком во всем Клане Цзя, пожалуй, оставалась сидевшая перед ним старуха.

— Встань, Лянь-эр. Слышала, ты сегодня ходил к господину Чэню.

Цзя Му пришлось заговорить первой. Если бы она не осадил его, длинный язык Цзя Шэня непременно натворил бы бед.

По правде говоря, она не то чтобы не понимала всю важность родства с кланом Чэнь. Но когда Цзя Шэнь в своё время разругался с ними, она и не подумала его останавливать. А теперь, стоило Цзя Чжипо вновь наладить связи с кланом Чэнь, она отчего-то совсем не обрадовалась.

Если у этого парца появится столь мощная опора, что же тогда делать Баоюю?

Потому на сей раз расчеты Цзя Му и её старшего сына совпали. Однако она понимала: с нынешним Цзя Чжипо нельзя действовать напролом.

Цзя Чжипо знал, что пришло время играть свою роль.

— Отвечая прародительнице: минувшей ночью матушка являлась мне во сне. Она корила меня за то, что вот уже больше десятка лет я не переступал порога дома моего деда, и назвала это несыновней почтиной. Она велела мне сегодня же навестить деда от её имени, чтобы впредь исполнять сыновний долг за неё. Будучи сыном, я не смел ослушаться этих слов.

Все в Зал Жунцин остолбенели.

Цзя Му и госпожа Ван переглянулись, и у обеих по спине пробежал холодок. Обе они верили в подобные знамения и тотчас вспомнили ту не по годам сметливую невестку и свойственницу.

В те времена в Клане Цзя соперничать с госпожой Чэнь на равных могла лишь до мозга костей проникательная Цзя Минь. К тому же эти двое состояли в весьма неплохих отношениях.

Цзя Шэнь тоже опешил. Он никак не ожидал, что Цзя Чжипо сможет выкатить такое оправдание.

Неужели это и вправду был сон с участием Цянь-эр? Она упрекает меня?

Цзя Шэнь выглядел так, будто у него вытряхнули душу; у него пропало всякое желание оставаться здесь. В голове стояло лишь её лицо, а временами ему и вовсе казалось, что проще уйти из города и постричься в монахи вместе с братом Цзином из Восточного двора.

Цзя Му посмотрела на то, как её старший сын бредет прочь с потерянным видом, приоткрыла рот, но так ничего и не произнесла.

Выдумка Цзя Чжипо оказалась слишком ладной, прикрытая знаменами сыновней почтительности столь надежно, что возразить ему было абсолютно нечем.

Она бросила взгляд на стоявшего с прямой спиной, красивого лицом старшего внука, а затем перевела глаза на Баоюя, который украдкой тырил румяна с губ служанки, и на сердце у неё вдруг тяжело и тоскливо сжалось.

— Ладно уж, раз твой отец не стал преследовать тебя, разве я стану запрещать тебе исполнять сыновний долг? Ступай к себе, как следует отдохни.

Уголки губ Цзя Чжипо едва заметно приподнялись. Лишних слов он говорить не стал, поклонился Цзя Му, на ходу бросил многозначительный взгляд на Ван Сифэн и зашагал прочь.

Цзя Му посмотрела на покрасневшую от этого взгляда Ван Сифэн и с досадой махнула рукой:

— И ты ступай. Вы, молодые, недавно поженились, и привязанность друг к другу вполне естественна. Я, старуха, не стану выступать в роли злой мачехи, сегодня можешь не прислуживать.

Лицо Ван Сифэн залилось еще более ярким румянцем. На словах ей хотелось возразить, но в груди уже вовсю зудело. Как раз тот возраст, когда падки на утеху, стоило им расстаться хоть

на полдня, как начинало одолевать тоскливое томление.

Госпожа Ван рассчитывала сегодня увидеть хорошее представление — как отец и сын из старшей ветви публично сцепятся друг с другом насмерть. Она даже приготовила скамеечку, предвкушая, как станет пить чай и глазеть на зрелище.

В итоге же Цзя Шэнь и Цзя Му были начисто прижаты к ногтю парой фраз Цзя Чжипо.

Она в упор смотрела на удаляющиеся спины шествовавших бок о бок Цзя Чжипо и Ван Сифэн, а на душе у неё поднималась какая-то смутная, труднообъяснимая буря. Этот племянник, выросший у неё на глазах, с тех пор как женился, словно лишился прежнего нутра и обзавелся совершенно новым.

Уж не приносит ли Фэн-гэр и впрямь удачу своему мужу?

Взгляд госпожи Ван скользнул по фигуре Ван Сифэн — еще не утратившей девичьей свежести, но уже начавшей округляться в нужных местах: талия так талия, бедра так бедра. Она прикусила губу, предаваясь сомнениям: правильно ли поступила, поспособствовав этому браку, или свернула куда-то не туда?

Цзя Му прожила на свете больше полувека, и глаз у неё был наметанный. Все тайные мысли второй невестки она прочла с одного взгляда. Старуха ничего не стала говорить, лишь покачала головой и беззвучно вздохнула.

Цзя Чжипо вел Ван Сифэн обратно к себе не просто так — он и вправду соскучился.

Сегодняшняя шахматная партия шла гладко, каждый ход ложился именно туда, куда было нужно. Огонь в его груди требовал выхода, ему хотелось побыть с ней наедине.

Конечно, при желании можно было заглянуть и к Пиньэр. Но он твердо решил жить с Ван Сифэн ладно и дружно, а потому должного внимания и уважения с его стороны убавиться не должно.

Потому, едва переступив порог, он тут же заключил её в объятия.

— Айя! Второй господин, ты что среди бела дня с ума сходишь?

Ван Сифэн испуганно вздрогнула, тело её напряглось.

Заметив её реакцию, Цзя Чжипо рассмеялся:

— Сама знаешь, что говорю правду.

Когда стемнело и всё было кончено, Цзя Чжипо чувствовал себя настолько разомлевающим, что шевелиться не хотелось. Он так и заснул, прижимая к себе Ван Сифэн.

О Ван Сифэн и говорить нечего: сегодня Цзя Чжипо словно объелся каких-то снадобий, измотав её так, что кости едва не рассыпались, и веки от усталости не поднимались.

Едва они успели провалиться в полусон, как в створки ворот забарабанили с такой силой, что задрожали стены.

— Что там еще?

Цзя Чжипо нахмурился и крикнул наотмашь.

В голосе Пиньэр звучал испуг:

— Второй господин, скорее в Зал Жунцин! Цин'эр передал весть: с великим господином стряслась беда.

Цзя Чжипо:

— ...

Во дворе у Цзя Шэня толпился народ.

Цзя Чжипо опустил взгляд на лежавшего на земле Цзя Шэня — грудная клетка проломана внутрь, на губах запекающаяся пена с кровью. Тот был мертв крепко, без единого признака дыхания.

В голове у него слегка помутилось.

Он не то чтобы совсем не думал о том, чтобы прикончить Цзя Шэня. Этот старик путался под ногами, и от его присутствия оставалось лишь раздражение. У прежнего хозяина этого тела тоже не было особой сыновней нежности к родителю, в мыслях он давно подумывал избавиться от него, вот только кишка тонка была — всё не решался поднять руку.

Но Цзя Чжипо опасался и другого. Цзя Шэнь все-таки доводился отцом этому телу, и вздумай он совершить отцеубийство, кто знает, не настигнет ли его небесная кара? Те двое бродяжничающих где-то небожителей, казалось, неусыпно следили за Кланом Цзя.

В итоге же, не успел он сам принять решение, как Цзя Шэнь взял да помер раньше времени.

Неужели это... сюжет изменился?

По спине Цзя Чжипо пробежал холодок.

— Что в конце концов стряслось?

Он поднял голову, глаза его уже покраснели.

Цзя Чжэнь прибыл раньше него и тяжело вздохнул:

— Говорят, старший господин выехал за город и у самых ворот столкнулся с гонцом из Лагеря Фэнтай. Тот как раз вез срочный приказ из Военного совета. Старший господин ехал в обычной повозке, кучер не успел уступить дорогу...

Цзя Чжипо всё понял.

Столичная оборона Великого Чжэня делилась изнутри наружу на четыре кольца.

Самый внутренний круг столицы составляли императорские гвардейцы Императорского города.

Ровно десять тысяч человек, и задача у них была одна-единственная — охранять императорский дворец и оберегать покой Сына Неба. Этот отряд подчинялся исключительно приказам самого императора, и даже Военный совет не мог сунуть туда нос. Более того, продовольствие и жалованье гвардейцам шли вовсе не по ведомству Министерства финансов, а выплачивались напрямую из личной казны монарха.

Следующим кругом шла Пятая столичная управа патрулирования и обороны.

Они ведали порядком в столице: ловили мелких жуликов, усмиряли хулиганов. В начале династии эта управа гремела на всю округу, но теперь... большая часть их полномочий утекла в руки чиновников городского управления Шэньцзина. На долю же стражи оставалась, грубо говоря, роль дворников вперемешку с пожарными — улицы мести да огни тушить.

Следом шли столичные полки — Двенадцать столичных лагерей, имя гремело громко. Ван Цзитэн в ту пору занимался делами главнокомандующего столичными войсками, впрочем, если разобраться, на этот пост его протолкнули Цзя Чжэнь и Цзя Шэнь. Почему? Да потому что со времен основания династии столичные полки оставались вотчиной Клана Цзя. Цзя Янь, Цзя Дайшань, Цзя Дайхуа — мужчины этого рода по очереди командовали данным подразделением. Вплоть до сегодняшнего дня среди младших и средних офицеров двенадцати

лагерей многие оставались старыми солдатами, вышедшими из обоих кланов Жун и Цзин.

Самым внешним кольцом являлись Лагерь Фэнтай и Лагерь Тунчжоу, именовавшиеся общим словом Столичный гарнизон.

Эти два лагеря служили главным козырем в рукаве Шэньцзина: превосходящие силы, важнейшее стратегическое положение. Великим генералом Лагеря Фэнтай числился владеющий титулом уэна первого класса из Поместья герцога Чжэньго — Нью Цзицзун. В Лагере Тунчжоу пост великого генерала занимал андунский хоу Ли Сянь.

Заговаривая о Ли Сяне, следует отметить, что он не походил ни на старую аристократию времен основания династии, ни на новых вельмож эпохи Шэнцзу. Он выдвинулся лишь на исходе правления Шэнцзу, а все свои реальные военные заслуги стяжал, защищая Ляодун в годы правления Юньань. Ярче всего запомнился случай в восьмом году Юньань, когда один из царевичей по имени Цзигэ вздумал напасть на заставу Сифэнькоу и втихаря ударить в спину центральным равнинам. Ли Сянь заблаговременно пронюхал об этих планах, расставил ловушку и лично захватил Цзигэ в плен. Одной этой битвы хватило, чтобы получить титул хоу.

Цзя Чжипо не имел в ту пору ни чинов, ни должностей, но за последние месяцы зря времени не терял, и слух у него развился отменный.

Он уже давно слышал, что Военный совет затеял учения, в рамках которых требовалось поднять по тревоге как лагерь Фэнтай, так и лагерь Тунчжоу. Раз Нью Цзицзун прислал людей с вестью, скорее всего, всё крутилось вокруг этого дела.

Он только собрался заговорить, как в залу вошла Цзя Му.

Старуха заметно сдала за последнее время: лицо пепельно-серое, вся сникла, словно увядший цветок.

Госпожа Син, всё это время рыдавшая на полу, вдруг вскинула голову:

— Старуха, второй деверь! Великий господин не может погибнуть просто так! Эти вояки должны заплатить кровью!

Лица Цзя Чжипо и Цзя Му одновременно помрачнели.

Цзя Му сурово оборвала невестку:

— Бесстыдница! Разве тебе дано слово молвить? Замолчи!

Однако, помедлив мгновение, она повернулась к Цзя Чжипо:

— Лянь-эр, то, что говорит старшая невестка, не лишено смысла. Каково твое мнение?

Цзя Чжипо горько усмехнулся.

На душе у него отлегло — не сходи он сегодня в резиденцию Чэнь, у него в руках не осталось бы ни единой козырной карты. Судя по настрою Цзя Му, та наверняка уже мысленно прикидывала, как лишить его прав на наследство.

— Прародительница, перегородить дорогу гонцу Военного совета — тяжкое преступление, — голос Цзя Чжипо звучал приглушенно. — Даже если бы великий господин остался жив, он бы хлебнул горького. Теперь же, уповая лишь на бывшее величие нашего особняка Жунго да крохи прежней благосклонности покойного Жунго-гуна, нам за счастье будет хотя бы сохранить за собой титул.

С этими словами краски с лиц всех присутствующих в комнате моментально сошли.

Однако никто не смел вымолвить ни слова.

Не надеясь на чью-либо поддержку, Цзя Чжипо прямо спросил:

— Второй дедушка, кто привез великого господина обратно?

— Управляющий господина уэна из Поместья герцога Чжэньго. И те три гонца тоже доставлены под стражей, они ждут в парадном зале. У людей графа такой подход: виновных передали нам, а поступать с ними вольны по вашему усмотрению.

Он на мгновение замолк.

— Сам граф сейчас в Военном совете, а после смены лично придет возжечь благовония по великом господине.

Цзя Чжипо прищурился.

<http://bllate.org/book/19342/1891423>